

ЖАН МАРЭ

«Я люблю начинать...»

"Орфей"

В декабре позапрошлого года один из первых героев французской «новой волны» Жан-Клод Брилли писал: «Жану Марэ — восемьдесят лет? Трудно в это поверить. Он несет в себе сияние и огонь юности. Он ее рыцарь и страж. Публика сохраняет верность, глубоко привязанность и любовь к нему. Все, кто работал или работает с ним, воспевают его мужество, скромность, чуткость и доброту».

Одаренность Марэ поразительна. Актер, режиссер, художник (Пикассо не раз выражал недоумение, что с таким даром живописца можно тратить время на «какие-то кино-съемки»), скульптор, сценограф, модельер, гончар...

У нас он больше известен как киноактер. Но сам Марэ своим подлинным призванием считает театр. Ученик Дюллена и Кокто, совсем еще молодым человеком Жан выступил против сложившихся сценических канонов, играя и ставя французские классические трагедии. И это в стране, где до сравнительно недавнего времени власть традиций, когда речь шла о национальной классике, свято охранялась. Не случайно Лукино Висконти был ошеломлен атмосферой, царившей в Комеди-Франсез на спектаклях по расиновской пьесе, поставленной Жаном Марэ: «Удивительная страна Франция! Устроить скандал на «Британике»?..»

Это произошло в 1949 году. Но еще в пору оккупации в своих первых режиссерских работах в театре Амбассадер, в том же «Британике» и в «Андромахе» (как и позднее он был и художником, и исполнителем главных ролей), Марэ бросает вызов консерваторам от искусства. Триумф у публики. Раскол в критике. Неистовство коллаборационистской прессы, осыпающей Марэ оскорблениями. Фурор приобретает ошеломляющие размеры. А «Радио-Алжир» и «Би-Би-Си» шлют поздравления: «Терпение, Жан, терпение — освобождение скоро придет...» Он становится национальным героем.

Но вернемся к «Британику» в Комеди-Франсез. О его Нероне известный писатель, лауреат Нобелевской премии Роже Мартен дю Гар вспоминал: «Жан Марэ просто великолепен! Я восхищаюсь им с самых первых шагов и, думаю, видел во всех ролях. И все же мне показалось, что до сих пор я не знал всего масштаба этого трагического дарования. Поразительное соединение простоты, человечности и величия».

Марэ переиграл на сцене огромное количество персон — от юных, пылких и романтических героев Кокто до императора в «Цезаре и Клеопатре» и Шоу из «Милого лжеца». А в 1978 году он показал шекспировского Лира. Один из критиков воскликнул: «Шекспир — это высоченная гора, убивающая слабых и самонадеянных, дерзнувших на покорение ее. И что же? Марэ достиг вершины. Я не знаю сейчас равного ему в трагедии. Не знаю актера, у которого была бы такая же мощь, такой же внутренний огонь и глубина чувства. Его Лир — глыба эмоций, вулкан, извергающий раскаленную лаву страданий и гнева». Но какие добрые, полные печали глаза смотрят на нас с фотографии этого Лира!

"Елена и мужчины"

С Жаном Кокто

В возрасте, когда другие актеры только пробуют силы, Марэ уже стал героем легенды, больше, чем звездой — полубогом, которому каждый хотел подражать и в котором каждый видел друга.

Именно театр, по признанию Марэ, дает ему ощущение полноты существования. Он играет с упоением и восторгом, несмотря на страшное волнение, охватывающее его всякий раз перед выходом на сцену. Он уверяет, что лучшее время — девять часов вечера, когда в Париже начинаются спектакли. За короткими часами счастья на сцене — месяцы упорной работы, настойчивых поисков, которые доставляют ему не меньшую радость. «Если бы я поверил, что достиг совершенства, моя профессия потеряла бы для меня всякий интерес», — утверждает Марэ.

Все, за что бы он ни брался — будь то опасный трюк на киносъемке или кувшин, созданный в своей гончарной мастерской на юге Франции, — он хочет сделать как можно лучше. Марэ стремится к успеху и совершенству не из честолюбия, а из собственного представления о человеческом и профессиональном достоинстве. В одной из многочисленных анкет, раздаваемых журналистами, на вопрос: «На что вы надеетесь?» Он ответил: «Достичь самоуважения».

В возрасте, когда другие актеры только пробуют силы, Марэ уже стал героем легенды, больше, чем звездой — полубогом, которому каждый хотел подражать, и в котором каждый видел друга.

Это не вскружило ему голову, как и многочисленные награды и призы. Он остается естественным и скромным человеком, считающим, что делать добро важнее, чем нравиться. Именно он вместе с Фернанделем в конце 50-х создал и несколько лет возглавлял Общество помощи актерам, потерявшим трудоспособность из-за болезни или несчастного случая.

Марэ не знает, что такое страх. Он доказал это и в оккупированном немцами Париже, расправляясь с коллаборационистами, рискуя арестом. Предательство, человеческая низость, несправедливость приводят его в ярость. Он сражается с ними с безоглядным бесстрашием Дон Кихота.

В 1975 году Марэ написал книгу «История моей жизни» (недавно она вышла в русском переводе под заглавием «О моей жизни» в издательстве ТПФ «Союзтеатр»), которую взыскательный Франсуа Трюффо назвал «самой честной из актерских автобиографий». В ней раскрывается еще одна грань дарования Марэ: талант рассказчика. Исповедь человека и художника удивительна в своей искренности, подчас беспощадной правдивости, без тени позы или кокетства. Увлекающее повествование о театре, жизни и людях, с которыми автора сводила судьба. Наконец, поучительная история о том, как воля и целеустремленность могут сформировать личность. «Счастье моей жизни, — пишет Марэ, — в том, что я стремился избавиться от недостатков, мешающих мне

стать таким, каким я хотел быть... Если страстно чего-то желаешь, готов сделать все, даже что свыше твоих сил, чтобы добиться победы».

Девиз Марэ: «Любить и быть верным в дружбе». В его книге два героя — он сам и Жан Кокто. Это гимн благодарности, восхищения, преданности человеку, игравшему огромную роль в его судьбе. Ее последние страницы рассказывают о кончине друга. Книга написана многие годы спустя, а ее заключительные строки полны скорби и незаживающей боли.

Но Марэ ждали новые пьесы, новые фильмы, новые роли. Десять лет назад в театре Ателье, где юный актер впервые вышел на сцену в постановках Дюллена, он создал моноспектакль «Кокто-Марэ» — своего рода путешествие по жизни и творчеству друга и учителя, который затем показал во многих городах мира. Изваял скульптурный портрет Кокто на голове стилизованного деревянного быка для вновь открывшегося знаменитого бара «Беф сюр ла туа», где и после первой, и после второй мировой войны собирались писатели, музыканты, художники, актеры. А весь 1993 год вместе с Мишель Морган играл в театре Буфф-Паризьен, директором которого когда-то был, в им самим поставленном спектакле, посвященном тридцатилетию со дня смерти Кокто — «Священные чудовища». В последний декабрьский понедельник того года, в день, когда в Париже не даются спектакли, большой зал Буфф-Паризьен был переполнен людьми театра и кино всех поколений — актерами, режиссерами, художниками, операторами, машинистами, костюмерами, гримерами. Весь столичный артистический мир, где вовсе не в чести юбилей, собрался, чтобы поздравить своего признанного старейшину и любимца с его восьмидесятилетием, а он с юношеской легкостью вспрыгнул на сцену и поблагодарил за устроенный праздник. В прошлом году Марэ поставил для известной актрисы и эстрадной певицы Режин «Равнодушного красавца» Кокто и снялся в фильме Клода Лелуша. Вторым изданием вышла его автобиография, почти мгновенно исчезнувшая с прилавков книжных магазинов. Он выпустил толстый том воспоминаний о Кокто, альбомы своих живописных, скульптурных и гончарных работ.

Сравнительно недавно, давая интервью, Жан Марэ сказал: — Я люблю все новое, неизведанное. Люблю начинать... Грустно ли стареть? Грустно лишь от того, что уже нет ничего, что можно сделать в первый раз.

И после минутного раздумья добавил:

— Но ведь есть еще камень. А я никогда не работал в камне...

Натэлла ТОДРИЯ